

Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2026. № 1 (86). С. 9–18.
THE CASPIAN REGION: Politics, Economics, Culture. 2026. Vol. 1 (86). P. 9–18.

Научная статья
УДК 94(470.47)“16/18”
doi: 10.54398/1818-510X.2026.86.1.001

ПОЛОЖЕНИЕ КАЛМЫКОВ НА РЫБНЫХ ПРОМЫСЛАХ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ В XVIII В.

Батмаев Максим Манчиевич

Калмыцкий научный центр РАН, г. Элиста, Россия
nel_max@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2233-0647>

Аннотация. Статья посвящена исследованию некоторых аспектов жизни калмыцкого народа на рубеже XVIII в., когда социально-экономические потрясения и колониальная политика Российской империи вынудили тысячи калмыков искать заработок на рыбных промыслах Нижнего Поволжья. Проанализировано, как участие в рыбных ватагах становилось для калмыков возможностью временного освобождения от феодальных повинностей, но одновременно и попаданием в экономическую зависимость от хозяев ватаг. Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения стратегий адаптации и взаимодействия калмыков с экономической системой Российской империи в ключевой период интеграции. Цель исследования – проанализировать положение калмыков в системе рыбных промыслов (ватаг и учугов) Нижнего Поволжья XVIII в., выявив характер их экономической деятельности и степень административной подконтрольности. Основу исследования составляют архивные материалы из фондов Национального архива Республики Калмыкия. В работе применялись сравнительно-исторический и исторический методы, позволившие проследить эволюцию политики властей и практик калмыцкого рыболовства. В статье охарактеризованы экономические и правовые условия найма калмыков на рыбные промыслы, роль русской администрации в регулировании их труда, а также последствия для традиционного уклада и социальной структуры калмыцкого общества. Исследование показало, что калмыки в XVIII в. занимали двойственное положение в рыбопромышленной отрасли региона, выступая как в роли зависимой рабочей силы по найму на русских ватагах, так и в качестве самостоятельных, хотя и ограниченных в правах, добытчиков. Власти, стремясь защитить интересы казны и откупщиков, последовательно регламентировали и сужали возможности для независимого калмыцкого промысла, особенно в отношении орудий лова, сроков и мест добычи. При этом государство было вынуждено допускать такую деятельность.

Ключевые слова: калмыки, культура, рыбные ватаги, рыбные промыслы, учуги, зависимость, административные ограничения, государственное регулирование, ресурсное управление, Нижнее Поволжье

Для цитирования: Батмаев М. М. Положение калмыков на рыбных промыслах Нижнего Поволжья в XVIII в. // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2026. № 1 (86). С. 9–18. <https://doi.org/10.54398/1818-510X.2026.86.1.001>.

Это произведение публикуется по лицензии Creative Commons “Attribution” («Атрибуция») 4.0 Всемирная.

THE SITUATION OF KALMYKS IN THE FISHING INDUSTRIES
OF THE LOWER VOLGA REGION IN THE 18TH CENTURY

Maksim M. Batmaev

Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Elista, Russia
nel_max@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2233-0647>

Abstract. The article is devoted to the study of some cases from the life of the Kalmyk people at the turn of the 18th century, when socio-economic upheavals and the colonial policy of the Russian Empire forced thousands of Kalmyks to seek employment in the fishing industry of the Lower Volga region. The author analyzes how participation in fishing camps became for the Kalmyks an opportunity for temporary exemption from feudal duties, but at the same time becoming economically dependent on the owners of the camps. The relevance of the research is determined by the need to study the strategies of adaptation and interaction of Kalmyks with the emerging economic system of the Russian Empire during the key period of integration. The purpose of the study is to analyze the position of Kalmyks in the system of fisheries The Lower Volga region of the 18th century, revealing the nature of their economic activity and the degree of administrative control. The research is based on archival materials from the collection of the National Archives of the Republic of Kalmykia. Comparative historical and historical methods were used in the work, which made it possible to trace the evolution of the policy of the authorities and practices of Kalmyk fishing. The article describes the economic and legal conditions of Kalmyks' employment in fisheries, the role of the Russian administration in regulating their work, as well as the consequences for the traditional way of life and the social structure of Kalmyk society. The study showed that in the century, Kalmyks occupied a dual position in the fishing industry of the region, acting both as a dependent labor force for hire in Russian camps, and as independent, albeit limited in rights, miners. The authorities, in an effort to protect the interests of the treasury and tax collectors, consistently regulated and narrowed the possibilities for independent Kalmyk fishing, especially with regard to fishing gear, timing and production sites. At the same time, the State was forced to allow such activities.

Keywords: Kalmyks, culture, fishing gangs, fishing industries, fishing nets, dependence, administrative restrictions, state regulation, resource management, Lower Volga region

For citation: Batmaev M. M. The Situation of Kalmyks in the Fishing Industries of the Lower Volga Region in the 18th Century. *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kultura* [The Caspian Region: Politics, Economics, Culture]. 2026, no. 1 (86), pp. 9–18. <https://doi.org/10.54398/1818-510X.2026.86.1.001> (In Russ.).

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

Введение

В истории калмыцкого народа XVIII в. занимает особое место как период глубоких социальных трансформаций. В условиях расширения границ Российской империи и усиления колониальной политики многие калмыки оказались втянуты в сложные процессы адаптации к новым экономическим и правовым реалиям. Одной из малоизученных, но значимых страниц этого времени становится участие калмыков в рыбных промыслах Нижнего Поволжья – своеобразных «ватагах», где сталкивались интересы империи, местных элит и самих наемных работников. Поэтому исследование направлено на анализ положения калмыков в рыбных ватагах XVIII в., экономических и социальных условий, в которых калмыки участвовали в рыбных промыслах XVIII в.

Развитие калмыцкого рыболовства 40-е гг. XVIII в. рассматривает в своих работах И. С. Панченко [21; 22], связывая причины этого развития с переселением калмыков в междуречье Яика, Волги и Дона, упадком традиционного хозяйства и тяжелым социально-экономическим положением большей части калмыцкого народа, в условиях непрекращающихся усобиц [22, с. 5]. Исследованию формирования и эволюции государственного регулирования рыболовства калмыками в 40-е гг. XVIII в. посвящена работа А. А. Курапова [4]. Ключевым выводом исследования является

демонстрация того, что политика Российского государства в этом вопросе носила двойственный и прагматичный характер. С одной стороны, власти, реагируя на жалобы рыбопромышленников, стремились ограничить несанкционированную добычу рыбы калмыками, чтобы защитить казенные доходы и интересы арендаторов. С другой стороны, правительство не было заинтересовано в полном подавлении этой деятельности и социальной дестабилизации в ханстве. Поэтому в ходе переговоров искались компромиссы: калмыкам разрешали лов в определенных местах и в определенное время, а главным предлагаемым решением было не самостоятельное рыболовство, а наем обедневших калмыков работниками на русские рыбные ватаги.

Более поздний период развития калмыцкого рыболовства (XIX в.) рассматривается в работах С. В. Виноградова и Ю. Г. Ещенко [2; 3]. Авторы убедительно доказывают, что традиционная имперская политика административного обоседления калмыцкого народа, реализуемая через создание смешанных поселений вдоль трактов и раздачу льгот, потерпела провал. Вместо этого основным толчком к росту седентаризации выступили экономические факторы и кризисы традиционного скотоводческого хозяйства [3, с. 40]. Исследователи детально реконструировали механизмы включения калмыков в промысловую экономику: анализируется система билетов, роль подрядчиков и зайсангов, динамика оплаты труда, а также процесс формирования постоянных калмыцких поселений непосредственно при ватагах. Таким образом, авторы приходят к принципиально важному выводу: процесс обоседления носил не административный, а стихийно-экономический характер и был напрямую индуцирован потребностями развивающихся рыбопромышленных кластеров, которые в свою очередь получали от этого надежный и квалифицированный трудовой ресурс. Авторы уделили внимание демографическому и статистическому аспекту трудовой миграции в рыбной отрасли Астраханской губернии в пореформенный период. Центральный тезис исследования заключается в констатации отсутствия достоверной и централизованной системы учета мигрантов. Особый интерес представляет анализ данных переписи 1897 г., позволивший дифференцировать мигрантов, постоянных переселенцев и сезонных рабочих. Авторы отмечают, что значительную часть промысловых рабочих составляли инородцы, в том числе и калмыки [2, с. 40].

Анализу государственной политики Российской империи в отношении стихийно возникших рыбацких поселений на землях калмыцких и казахских кочевников в Северо-Западном Прикаспии во второй половине XVIII–XIX в. посвящена работа С. С. Белоусова [1]. Автор показывает, что эти поселения, основанные без официального разрешения крестьянами, мещанами и купцами, привлеченными богатыми рыбными промыслами, долгое время существовали в правовом вакууме. Власти, осознавая экономическую ценность рыболовства для казны, сознательно не применяли жестких мер по их ликвидации, предпочитая игнорировать их существование или позднее предлагать варианты легализации через аренду земель. Ключевой проблемой, раскрытой в работе, стал острый земельный конфликт между самовольными поселенцами, кочевыми народами, имевшими особый правовой статус на свои земли, и рыбопромышленниками. Преобразования начались лишь в середине XIX в. в рамках реформ рыбной отрасли и привели к постепенной административно-территориальной интеграции поселков, которая, однако, затянулась до начала XX в. из-за необходимости балансировать между интересами развития рыбного промысла и сохранения прав кочевого населения [1, с. 540].

Развитие рыболовства у калмыков в XIX в. и в дореволюционный период исследовали Н. П. Мацакова [6] и А. К. Манджиев [5]. А. К. Манджиев делает акцент на том, что эта отрасль была привычным занятием для части ойратов еще на исторической родине [5, с. 232].

Основная часть

В Нижнем Поволжье в XVIII в. было много государственных (царских) учугов и ватаг. В них ловили рыбу для казны или сдавали внаем рыбопромышленникам. Учуг представлял собой тын (загородку) поперек реки, в которую попадала рыба.

Дневной улов составлял от 200 до 400 рыб, «в каждой из которых было по 300–400 фунтов икры» [20, с. 70]. Понятие «ватага» имело несколько значений: 1) рыболовный промысел; 2) место промысла с постройками, оборудованием для лова; 3) люди, занятые на промысле [23, с. 70].

В XVIII в. в калмыцких улусах была прослойка людей, социальное положение которых колебалось от рабства до полузависимого состояния. В эту социальную группу люди попадали различными путями. Многие из них жили в учугах и ватагах, где их положение почти ничем не отличалось от положения вольных людей, живших вместе с ними. Анализу жизни подобных групп людей и посвящена статья.

В показаниях одного из зависимых людей нойона Моомута-Убаши, пожелавшего принять крещение, сообщалось, что ему тридцать пять лет и с самого детства он проживает с другими калмыками вблизи Каспийского моря. Он работал по найму у астраханского купца Василия Варварова на учуге под названием Чурка, принадлежавшем астраханскому Спасову монастырю [18, л. 44]. Другой человек, допрошенный в 1732 г., объяснил, что из-за крайней бедности он около восьми лет жил и работал для пропитания на рыбной ватаге на о. Долгом, на Волге, находясь среди русского населения [7, л. 250].

Крещеный Иван Цойджип, будучи малолетним, жил в ватаге в урочище Песчаном в работе у ловцов, где и крестился. Потом из Астрахани, от хозяина той ватаги купца Лошкарева бежал обратно в улусы к ханше Дарма-Бале, которая за то, что он, помня свой закон, пришел к ней, дала ему «из милости» кибитку и небольшое число скота. Получив данное, Цойджип женился, но дух бродяжничества толкнул его на уход в русский город и привел его в Енотаевск, где проживал его дядя. На момент ухода он имел 4 верблюдов, 15 лошадей, 6 коров, 2 телят и 71 овцу [19, л. 572].

В XVIII в. расширялся отход калмыцкого населения от занятий только кочевым скотоводством. 10 июня 1750 г. управлявший в тот период Калмыцкими делами Н. Г. Спицын, сообщил наместнику Дондук-Даши о том, что зайсанг Бату, кочевавший со своим аймаком у Камызяцкого учуга, тайно откочевал в степь. Оставшиеся у учуга зайсанги Бирба и Шарап с небольшим количеством кибиток изъявляли желание продолжать кочевать там, но выражали опасения относительно бодокчеев. Они указывали, что готовы остаться и выделять людей для работ только в том случае, если получат на то прямое разрешение от своих главных владельцев. В связи с этой ситуацией Астраханская рыбная контора выражала серьезную обеспокоенность, отмечая, что лов рыбы снастями практически остановился, и настаивала на том, чтобы калмыков не отлучали от казенных учугов, а Бату с его подвластными вернули обратно [12, л. 95].

Отдельный случай касался эркетеневского зайсанга Бааранта. На основании ранее выданного Дондук-Даши письма, ввиду бедности его аймака, он имел разрешение находиться летом на нагорной стороне Волги. Однако после смерти отца новый наместник Убаши приказал перегнать его аймак на луговую сторону. В результате те люди Бааранта, которые имели скот и могли кочевать, переправились на левый берег, а сам зайсанг с наиболее бедными соплеменниками остался на нагорной стороне. Причиной этого послужила болезнь самого Бааранта, а также то, что большинство его людей находились на рыбной ловле у ватажных промышленников [17, л. 221].

Ситуация с эркетеневским зайсангом Баарантом получила дальнейшее развитие. Выяснилось, что многие из его людей, работавшие на рыбной ловле, получили от ватажных промышленников значительные задаточные деньги. В связи с этим их отпуск с нагорной стороны стал невозможен, чтобы эти средства не были утрачены и чтобы сами промышленники не понесли серьезных убытков. Руководитель Калмыцких дел А. Бехтеев, учитывая эти обстоятельства, обратился к наместнику Убаши в 1765 г. с просьбой оставить Бааранта и его людей на прежнем месте.

Параллельно возник еще один конфликтный вопрос: Убаши отдал распоряжение перегнать на левую сторону Волги и тех калмыков, которые служили пастухами при русском скоте. Однако полковник А. Бехтеев решительно воспрепятствовал

исполнению этого приказа. Он мотивировал свой запрет тем, что оставленный без присмотра пастухов скот неминуемо мог разбежаться и пропасть [17, л. 221], что нанесло бы значительный ущерб его владельцам.

Документы свидетельствуют о возникновении структурного конфликта интересов. С одной стороны, наместник Убаши стремился сохранить контроль над калмыками, издавая распоряжения о возвращении работников, включая пастухов, в степь. С другой стороны, российская администрация в лице полковника А. Бехтеева была вынуждена противодействовать этим решениям, мотивируя это экономической целесообразностью.

Расширение масштабов рыболовного промысла потребовало создания новых административных механизмов регулирования. Учреждение фигуры специального зайсанга для надзора за калмыками на промыслах и контроля над процедурой найма являлась попыткой упорядочить стихийные хозяйственные связи. Однако систематические жалобы, подобные жалобам зайсанга Бааранта [16, л. 237–238], и последующие распоряжения Н. Спицына свидетельствуют о низкой эффективности этих мер. Приказчики и ловцы регулярно нарушали установленный порядок, что демонстрирует приоритет сиюминутной экономической выгоды над формальными правовыми установками в условиях ограничения.

Переговоры астраханского губернатора В. Н. Татищева с наместником Дондук-Даши в 1742 г. раскрывают компромиссный характер политики российской администрации. Предоставление калмыкам широких прав на рыбную ловлю, за исключением сезонных ограничений на основных рыболовных угодьях, мотивировалось необходимостью дать обедневшему населению возможность экономической реабилитации. Этот шаг можно рассматривать как прагматичную уступку, направленную на поддержание стабильности и лояльности на окраине империи. Одновременно с этим обсуждение выявило системную проблему: российские власти осознавали, что главным препятствием для накопления капитала калмыками является не внешняя регламентация, а внутренняя эксплуатация со стороны нойонов и зайсангов и долговая зависимость от торговцев.

Предложенное Татищевым решение – введение института добрых надзирателей [8, л. 36] для принудительного сбережения части заработка работников – несло на себе отпечаток патерналистского подхода. Эта мера, оставшаяся, судя по всему, на уровне благих пожеланий, отражала характерное для колониального управления представление о калмыках как объекте опеки, неспособном к рациональному распоряжению экономическими ресурсами.

Нестыковки в отношениях калмыков с местным оседлым населением продолжались. Состоящий при Калмыцких делах Н. Г. Спицын писал летом 1758 г. черноморскому коменданту: наместник Дондук-Даши жалуется, что находящийся при Черном Яре бодокчеи, вместе с живущими там калмыками, для скота своего к зимнему времени ежегодно в тамошних местах приготавливали сено, а ныне казаки те луга выкосили без остатка [15, л. 359].

Упомянутый зайсанг Баарант, который находился на Косикинском форпосте и управлял «скудными» калмыками, живущими в южных от форпоста рыбных ватагах, обратился с жалобой к Н. Спицыну. Суть жалобы состояла в следующем: зайсанг со своими людьми ежегодно для кочевания был пускаем комендантом форпоста на один из островов. За это комендант брал с Бааранта двух овец, одну козу и два ведра калмыцкой водки.

В 1758 г., прибыв на тот остров, по договору с комендантом, поставленное русскими в стога сено, чтобы его не потравить, калмыками было огорожено. Однако неизвестно, по какой причине арестовав зайсанга, комендант взял с них двух коров. Н. Спицын приказал вернуть взятое [15, л. 359, 367]. В это же время Н. Спицын оповестил наместника, что при Митинском урочище калмыки занимаются продажей вина «из-под поль». В связи с этим находившийся там кабак почти не посещается, а по указу Государственной камор-коллегии в Астраханской губернии кабацкие

сборы состояли на откупе П. И. Шувалова (фаворита Елизаветы Петровны). В связи с чем Н. Спицын просил наместника запретить калмыкам продажу вина во всех местах [15, л. 368].

Анализ архивных документов позволяет проследить формирование специфического административно-хозяйственного механизма регулирования труда калмыков при учугах, станах и ватагах. В 1750 г. командир Астраханской соляной конторы словесно разрешил калмыкам кочевать вблизи промыслов для последующего найма на работу по договорным условиям с гарантией оплаты и защиты от обид [11, л. 44]. Одновременно с этим наместник Дондук-Даши предпринял шаги по установлению собственного контроля над оказавшимися на русских предприятиях соплеменниками. В качестве ответной меры на участвовавшие случаи воровства и иных правонарушений со стороны калмыков, занятых на промыслах, наместником была предложена система внутреннего надзора. Суть ее заключалась в назначении при каждых десяти кибитках ответственного десятника, которому вменялось в обязанность следить за перемещениями работников и пресекать их самовольные отлучки [11, л. 44]. Данная мера отражала стремление кочевой администрации сохранить элементы традиционной социальной организации и власти над своими людьми, даже находившимися на значительном удалении от улусов.

Однако вскоре обозначилось ключевое противоречие между интересами калмыцкой знати и потребностями российских промыслов. К 1752 г. наместник Дондук-Даши оповещал астраханского губернатора И. А. Брылкина о неудачных попытках возвращения работников в улусы. Несмотря на приказы, русские управляющие ватагами и учугами отказывались отпускать калмыков, мотивируя их занятостью в работе. Эта ситуация вызвала резкое негодование наместника, который воспринимал подобные действия как беспрецедентное нарушение прав владельцев распоряжаться своими людьми [14, л. 17]. Его риторический вопрос о том, где еще существует практика, при которой хозяин не может забрать своего работника и вынужден отчитываться о причинах этого требования, иллюстрирует столкновение двух правовых культур: традиционной кочевой, основанной на личной зависимости, и культурой государственно-предпринимательского хозяйства на имперской окраине.

Параллельно происходила институционализация системы посредничества и арбитража. Для надзора за калмыками, кочевавшими у промыслов, назначались представители знати, такие, как упомянутый выше зайсанг Баарант и зайсанг Наран, выполнявшие функции смотрителей [13, л. 49]. Более того, еще в 1742 г. была создана, например, группа из трех специальных зайсангов, делегированных для разбора конфликтов между калмыками и русскими, а также для распределения беднейших калмыков по ватагам [9, л. 75]. Таким образом, к середине XVIII в. вокруг промыслов сложилась сложная, гибридная система управления калмыками, в которой пересекались и конфликтовали экономический интерес российских промышленников, административный контроль имперской власти и стремление хана и калмыцкой элиты сохранить свою власть.

В 50–60 гг. XVIII в. неожиданно обострился вопрос о размерах лодок, которыми пользовались калмыцкие рыбаки. Вообще калмыки часто не имели своих лодок и были вынуждены брать их в аренду у русских рыбаков. Это приводило к дополнительной экономической зависимости: владельцы лодок требовали оплату не только за аренду, но и за возможный ущерб или потерю судна. Денег у калмыцких рыбаков не было, что вело к их окончательному разорению [10, л. 94].

Сложности с приобретением лодок были связаны с бедностью калмыков, многие из которых потеряли скот и не имели средств для постройки или покупки собственного плавсредства. Лодки, предоставлявшиеся в аренду, зачастую были старые, ветхие и требовали ремонта. Калмыки вынуждены были использовать некачественные суда, что увеличивало риск аварий и потери улова. Частые поломки лодок приводили к вынужденным простоям, снижению заработка и даже к опасным ситуациям на воде. Кроме того, власти и владельцы рыбных промыслов ограничивали использование

калмыками определенных типов лодок и снастей. Например, было запрещено строить плотины и использовать крупные лодки, чтобы не мешать проходу рыбы и не конкурировать с местными рыбаками.

В 1748 г. астраханский губернатор И. Брылкин получил указ, инициированный жалобой калмыцкого наместника на действия казачьих патрулей, уничтожавших лодки, длина которых превышала две с половиной или три сажени. В ответ на это была установлена единая разрешенная норма: максимальная длина борта лодки не должна превышать три сажени без четверти. Судна, превышавшие этот лимит, подлежали не уничтожению, а конфискации в казну. Идеологическим обоснованием данной меры, как явствует из текста указа, была двойная цель: с одной стороны, обеспечить калмыкам возможность рыбной ловли для пропитания и передвижения по рекам, а с другой – технологически ограничить их мобильность, исключив использование крупных лодок, пригодных для перевозки значительных групп людей, что ассоциировалось властями с потенциальными разбойными нападениями. Данный указ предписывался к широкому обнародованию по всей губернии [10, л. 95].

Однако на практике реализация этого запрета столкнулась с системным противодействием. Администрация вскоре констатировала, что при ватагах по-прежнему эксплуатируется множество крупных лодок, причем управляющие промыслами уклонялись от ответственности, утверждая, что эти суда формально принадлежат русским ловцам и лишь предоставлены калмыкам в пользование. Для преодоления данной лазейки был выработан бюрократический инструмент контроля – обязательное клеймение всех лодок [10, л. 100], принадлежавших русским, что позволяло четко идентифицировать законность их использования.

К середине XVIII в. обострился и земельный вопрос. Как следует из рапорта чиновника Кишенского губернатору Н. Бекетову от 1769 г., калмыцкая знать во главе с наместником Убаши выдвигала претензии к рыбопромышленникам, которые, арендуя прибрежные участки, монополизировали доступ к водным и пастбищным угодьям. Купцы не только запрещали калмыкам ловить рыбу для собственного потребления в озерах, расположенных вблизи ватаг, но и препятствовали выпасу скота на прилегающих территориях, хотя сами скотоводством не занимались [19, л. 285]. Эта ситуация также демонстрирует, как экономическая экспансия рыбопромышленного капитала, опирающаяся на откупные права, приводила к прямому ущемлению традиционных хозяйственных практик кочевого населения, создавая почву для постоянных территориальных споров и социального напряжения.

Выводы

В XVIII в. калмыцкое общество находилось в сложном положении: внутренние междоусобицы, ухудшение климатических условий и сокращение пастбищ привели к массовому обнищанию населения. Многие калмыки лишились скота, что вынудило их искать новые источники существования, в том числе и такие, как рыбный промысел на Волге.

Рыболовство стало одним из способов выживания для обедневших калмыков. В этот период отмечается значительный рост числа калмыков, уходивших работать в рыбные ватаги, а также увеличение числа кибиток, не имевших скота и оседавших у берегов рек.

Калмыки попадали в ситуацию двойной зависимости. С одной стороны, они испытывали давление со стороны местной администрации и владельцев рыбных промыслов, которые ограничивали их самостоятельный промысел и вынуждали работать по найму на условиях, близких к крепостной зависимости. Рыбу, выловленную калмыками, зачастую заставляли сдавать по заниженным ценам, а попытки самостоятельной торговли пресекались властями.

Существовала практика найма калмыков на рыбные промыслы, где их труд был крайне востребован из-за нехватки рабочих рук. Однако условия работы были тяжелыми, а заработки низкими. Калмыки получали снасти и продовольствие в долг,

рассчитывались по окончании сезона, что усиливало их экономическую зависимость от хозяев ватаг.

Российское правительство периодически принимало меры по регулированию рыболовства и защиты прав калмыков, однако на практике интересы местных промышленников и администрации зачастую брали вверх, и ограничения сохранялись.

Ватаги становились не только местом труда, но и своеобразной школой экономической самостоятельности для калмыков, где они приобретали навыки коллективной работы, торговли и хозяйственной инициативы. Участие в рыбных ватагах обрело для калмыков двойственный характер: с одной стороны, отходничество действительно представляло собой форму временной эмансипации от традиционных феодальных повинностей и власти нойонов и зайсангов в степи, открывая пространство для личного заработка, с другой – на промыслах калмыки попадали в новую систему экономической зависимости со стороны хозяев ватаг и подрядчиков, зачастую подкрепленную кабальными условиями найма. Имперская периферия становилась полигоном для возникновения гибридных форм зависимости, в которых элементы традиционной подневольности переплетались с новыми, «рыночными» по форме, но нередко кабальными по сути отношениями эксплуатации.

Список источников

1. Белоусов, С. С. Государственная власть и рыбацкие поселки на землях кочевников в Северо-Западном Прикаспии (вторая половина XVIII – XIX вв.) / С. С. Белоусов // Былые годы. – 2021. – № 16 (2). – С. 535–542. – doi: 10.13187/bg.2021.2.535.
2. Виноградов, С. В. К вопросу о численности трудовых мигрантов в рыбной отрасли Астраханской губернии в пореформенный период / С. В. Виноградов, Ю. Г. Ещенко // Актуальные проблемы гуманитарного знания: прошлое и современность / под ред. И. В. Турицына, С. И. Алиевой. – Москва : Научно-исслед. ин-т истории, экономики и права, 2023. – С. 37–44.
3. Виноградов, С. В. Влияние процесса обоседления кочевых народов Северного Прикаспия на развитие промышленно-промысловых кластеров Волго-Каспийского рыболовного района во второй половине XIX в. (на примере населения Калмыцкой степи Астраханской губернии) / С. В. Виноградов, Ю. Г. Ещенко // Вестник Калмыцкого университета. – 2023. – № 4 (60). – С. 35–51. – doi: 10.53315/1995-0713-2023-60-4-35-51.
4. Курапов, А. А. Регламентация Российским государством рыбодобычи калмыками в 40-е гг. XVIII в. / А. А. Курапов // Монголоведение. – 2024. – Т. 16, № 4. – С. 668–681. – doi: 10.22162/2500-1523-2024-4-668-681.
5. Манджиев, А. К. К вопросу о развитии рыболовства у калмыков в дореволюционный период / А. К. Манджиев // Монголоведение. – 2020. – Т. 12, № 2. – С. 232–243. – doi: 10.22162/2500-1523-2020-2-232-243.
6. Мацакова, Н. П. Развитие рыболовства у калмыков в XIX в. / Н. П. Мацакова // Сетевое востоковедение: устные и письменные традиции в контекст межкультурного взаимодействия. – Элиста : Калмыцкий гос. ун-т им. Б. Б. Городовикова, 2018. – С. 481–486.
7. Национальный архив Республики Калмыкия (далее – НА РК). – Ф. 36. – Оп. 1. – Д. 49.
8. НА РК. – Ф. 36. – Оп. 1. – Д. 140.
9. НА РК. – Ф. 36. – Оп. 1. – Д. 219.
10. НА РК. – Ф. 36. – Оп. 1. – Д. 231.
11. НА РК. – Ф. 36. – Оп. 1. – Д. 242.
12. НА РК. – Ф. 36. – Оп. 1. – Д. 244.
13. НА РК. – Ф. 36. – Оп. 1. – Д. 263.
14. НА РК. – Ф. 36. – Оп. 1. – Д. 265.
15. НА РК. – Ф. 36. – Оп. 1. – Д. 312.
16. НА РК. – Ф. 36. – Оп. 1. – Д. 326.
17. НА РК. – Ф. 36. – Оп. 1. – Д. 362.
18. НА РК. – Ф. 36. – Оп. 1. – Д. 363.
19. НА РК. – Ф. 36. – Оп. 1. – Д. 409.
20. Очерки русской культуры XVII в. / под ред. А. В. Арциховского. – Москва : Московский гос. ун-т, 1979. – Часть 1. Материальная культура. Государственный строй. – 352 с.
21. Панченко, И. С. Развитие калмыцкого рыболовства в 40-е гг. XVIII в. / И. С. Панченко // Востокведные исследования в Калмыкии. – Элиста : Калмыцкий университет, 2006. – Вып. 1. – С. 35–40.

22. Панченко, И. С. Причины развития калмыцкого рыболовства в первой половине XVIII в. / И. С. Панченко // МИТС-НАУКА: международный научный вестник. – 2006. – № 5. – С. 1–6.
23. Словарь русского языка XI–XVII вв. – Москва : Наука, 1975. – Вып. 2. – 323 с.

References

1. Belousov, S. S. Gosudarstvennaya vlast i rybackie poselki na zemlyah kochevnikov v Severo-Zapadnom Prikaspii (vtoraya polovina XVIII – XIX vv.) [State power and fishing villages on the lands of nomads in the North-West Caspian (second half of the 18th–19th centuries)]. *Bylye gody* [Bylye gody]. 2021, no. 16 (2). pp. 535–542, doi: 10.13187/bg.2021.2.535.
2. Vinogradov, S. V., Eshchenko, Yu. G. K voprosu o chislennosti trudovykh migrantov v rybnoy otrasli Astrahanskooy gubernii v poreformenny period [On the issue of the number of labor migrants in the fishing industry of the Astrakhan province in the post-reform period]. *Aktualnye problemy gumanitarnogo znaniya: proshloe i sovremennost* [Actual Problems of Humanitarian Knowledge]. Moscow: Research Institute of History, Economics and Law; 2023, pp. 37–44.
3. Vinogradov, S. V., Eshchenko, Yu. G. Vliyanie protsessa obosedleniya kochevykh narodov Severnogo Prikaspiya na razvitie promyshlenno-promyslovykh klasterov Volgo-Kaspiyskogo rybolovnogo rayona vo vtoroy polovine XIX v. (na primere naseleniya Kalmyckoy stepi Astrahanskooy gubernii) [The influence of the process of settlement of nomadic peoples of the Northern Caspian on the development of industrial and fishing clusters of the Volga-Caspian fishing region in the second half of the 19th century. (on the example of the population of the Kalmyk steppe of the Astrakhan province)]. *Vestnik Kalmyckogo universiteta* [Bulletin of Kalmyk University]. 2023, no. 4 (60), pp. 35–51, doi: 10.53315/1995-0713-2023-60-4-35-51.
4. Kurapov, A. A. Reglamentatsiya Rossiyskim gosudarstvom rybodobychi kalmykami v 40-e gg. XVIII v. [Regulation by the Russian state of Kalmyk fishing in the 40^s 18th century]. *Mongolovedenie* [Mongolian Studies]. 2024, vol. 16, no. 4, pp. 668–681, doi: 10.22162/2500-1523-2024-4-668-681.
5. Mandzhiev, A. K. K voprosu o razvitii rybolovstva u kalmykov v dorevolutsionnyy period [On the development of fishing among Kalmyks in the pre-revolutionary period]. *Mongolovedenie* [Mongolian Studies]. 2020, vol. 12, no. 2, pp. 232–243, doi: 10.22162/2500-1523-2020-2-232-243.
6. Macakova, N. P. Razvitie rybolovstva u kalmykov v XIX veke [The development of fishing among Kalmyks in the 19th century]. *Setevoe vostokovedenie: ustnye i pis'mennye traditsii v kontekst mezhkulturnogo vzaimodeystviya* [Network Oriental Studies: Oral and Written Traditions in the Context of Intercultural Interaction]. Elista: Kalmyk State University named after B. B. Gorodovikov; 2018, pp. 481–486.
7. *National Archive of the Republic of Kalmykia*. Fund 36, inventory 1, case 49.
8. *National Archive of the Republic of Kalmykia*. Fund 36, inventory 1, case 140.
9. *National Archive of the Republic of Kalmykia*. Fund 36, inventory 1, case 219.
10. *National Archive of the Republic of Kalmykia*. Fund 36, inventory 1, case 231.
11. *National Archive of the Republic of Kalmykia*. Fund 36, inventory 1, case 242.
12. *National Archive of the Republic of Kalmykia*. Fund 36, inventory 1, case 244.
13. *National Archive of the Republic of Kalmykia*. Fund 36, inventory 1, case 263.
14. *National Archive of the Republic of Kalmykia*. Fund 36, inventory 1, case 265.
15. *National Archive of the Republic of Kalmykia*. Fund 36, inventory 1, case 312.
16. *National Archive of the Republic of Kalmykia*. Fund 36, inventory 1, case 326.
17. *National Archive of the Republic of Kalmykia*. Fund 36, inventory 1, case 362.
18. *National Archive of the Republic of Kalmykia*. Fund 36, inventory 1, case 363.
19. *National Archive of the Republic of Kalmykia*. Fund 36, inventory 1, case 409.
20. *Ocherki russkoy kultury XVII veka* [Essays on Russian culture of the 17th century]. Moscow: Moscow State University; 1979, part 1: 352 p.
21. Panchenko, I. S. Razvitie kalmyckogo rybolovstva v 40-e gg. XVIII v. [The development of Kalmyk fishing in the 40^s 18th century]. *Vostokovednye issledovaniya v Kalmykii* [Oriental Studies in Kalmykia]. Elista: Kalmyk University; 2006, iss. 1: pp. 35–40.
22. Panchenko, I. S. Prichiny razvitiya kalmytskogo rybolovstva v pervoy polovine XVIII v. [The reasons for the development of Kalmyk fishing in the first half of the 18th century]. *MIT-SNAUKA: mezhdunarodnyy nauchnyy vestnik* [MITS-NAUKA: International Scientific Bulletin]. 2006, no. 5, pp. 1–6.
23. *Slovar russkogo yazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of the Russian language of the 11th–17th centuries]. Moscow: Nauka; 1975, iss. 2, 323 p.

Информация об авторе

Батмаев М. М. – доктор исторических наук.

Information about the author

Batmaev M. M. – Doctor of Historical Sciences.

*Статья поступила в редакцию 03.12.2025; одобрена после рецензирования 18.12.2025;
принята к публикации 29.12.2025.*

*The article was submitted 03.12.2025; approved after reviewing 18.12.2025; accepted
for publication 29.12.2025.*